

полон, хотя и не свободен от мелких недочетов. Особо надо отметить, что А. Яната хорошо знаком с советской литературой, что, видимо, является следствием его научных контактов с этнографами Душанбе и Москвы. Сам автор указывает на большую работу, проведенную в СССР по изучению ювелирных украшений народов Востока. «Еще лучше, чем о магрибских украшениях,— пишет он,— информированы мы об украшениях народов Средней Азии и Казахстана, информированы хорошо, но исключительно благодаря разбросанным (в разных изданиях) статьям на русском языке» (с. 197). Действительно, при относительной разработанности указанной проблематики в советской этнографической науке у нас до сих пор фактически отсутствуют монографии и достаточно полные и научно обоснованные альбомы об украшениях народов Средней Азии и Кавказа. Поэтому деликатный упрек австрийского коллеги, безусловно, необходимо принять к сведению.

В заключение хочется еще раз подчеркнуть, что ценность рецензируемого издания заключается не только в заполнении «пробела» в наших знаниях о восточных ювелирных изделиях, но просто в публикации (в прекрасном полиграфическом исполнении) красивых вещей, не также в том, что представленный в книге материал ясно указывает на тесные связи населения разных частей страны с соседними народами, что весьма важно при изучении ювелирных украшений с этнографической и историко-культурной точек зрения.

Б. А. Литвинский, Л. А. Чвырь

НАРОДЫ АМЕРИКИ

Этнические процессы в странах Южной Америки. Ред. И. Ф. Хорошаева, Э. Л. Нитобург. М.: Наука, 1981, 533 с.

В серии выпускаемых Институтом этнографии АН СССР исследований, посвященных этническим процессам в странах Западного полушария, рецензируемая книга была, пожалуй, едва ли не самой сложной для написания. В самом деле, в ней рассматриваются полтора десятка стран — стран достаточно разных и по масштабам, и по их месту в современном мире, и по их историческому прошлому, обусловившему те или иные конкретные формы и темпы этнического развития. Конечно, велика была и общность исторических судеб: все это бывшие испанские или португальские колонии, везде происходило взаимодействие групп, представлявших три главные расы человечества, везде процесс шел от четко выраженного этнического (вернее, этносоциального) противостояния к складыванию национальной общности. Но за этим общим скрывается весьма ощутимое особенное, которое делает страны Латинской Америки непохожими друг на друга и в том, как протекали этнические процессы, и в том, когда и на какой этнической основе складывались эти национальные общности и присущая им национальная культура. Исследования же последних десятилетий позволили более или менее точно выделить тот круг вопросов, который нуждается сейчас в углубленном анализе. Ответ на некоторые из них пытаются дать авторы* и редакторы книги, и уже по этому одному она заслуживала бы благодарительного внимания всех, кто интересуется социальной историей народов Южной Америки.

Но, конечно же, достоинства рецензируемой книги не сводятся только к этому. Ее авторы поставили перед собой широкий круг весьма непростых задач — от изучения гомогенности или гетерогенности этнического состава разных стран до упорядочения терминологии, употребляемой при исследовании этнических процессов. Такая широта подхода оказывается вполне оправданной: авторам удалось достаточно глубоко рассмотреть значительную часть этих вопросов. В частности, в большинстве разделов впервые в нашей литературе с такой полнотой анализируются не просто этнические процессы как таковые, но прежде всего их, если можно так выразиться, культурная составляющая. Это позволяет приблизиться к более полному пониманию роли культуры, выполняющей по существу роль национальной культуры, в период, когда рано еще говорить о завершившемся формировании нации в бывшей колониальной стране. И можно сразу же сказать, что авторы в целом успешно справились с показом важнейшей культурной роли этнически смешанного населения (важность этой задачи подчеркнута в самом начале «Введения» к книге). Впрочем, столь же удачным представляется мне и то, как анализируется соотношение этнического, точнее даже — этнорасового, и социального моментов в обществах Южной Америки, о чем также сказано во «Введении».

По-видимому, этим достижениям авторского коллектива в немалой степени способствовала удачно избранная структура книги. Однозначно определить ее жанровую принадлежность, пожалуй, не так-то просто. Правда, и во «Введении», и в авторской анно-

* Состав авторского коллектива: М. А. Альперович, Ю. К. Березкин, М. Я. Берзина, Е. А. Винокуров, А. Д. Дриздо, А. С. Ковальская, М. Г. Котовская, В. И. Кочнев, Э. Э. Литаврина, Э. Л. Нитобург, С. Я. Серов, С. А. Созина, А. А. Стрелко, Л. А. Файнберг, И. Ф. Хорошаева, Л. С. Шейнбаум.

тации употреблено ставшее модным определение «коллективная монография». Но я предпочел бы абсолютно, так сказать, неканоническое обозначение — собрание очерков-эссе, связанных единством тематики и авторского подхода к ней. И говорится это вовсе не в укор, а, наоборот, в похвалу авторам и редакторам. Ведь когда имеешь дело с довольно пестрым материалом — пестрым и по наличию фактов, и по степени разработанности отдельных проблем, и по разности конкретно-исторического фона в полтора десятках стран, — как раз такая структура оказывается наиболее гибкой и способной передать именно эту пестроту. Только при ней и можно было подготовить и опубликовать несколько исследований по одной и той же стране, когда того требуют либо ее размеры, либо очень уж ярко выраженная специфика ее исторического прошлого (соответственно Бразилия и Парагвай) или же предпослать страноведческим очеркам по трем отдельным государствам — Перу, Эквадору и Боливии — обобщающий раздел, посвященный их общему прошлому в составе испанского колониального вице-королевства Перу. Такую степень детализации в масштабе целого региона довольно трудно себе представить в традиционной коллективной монографии, а между тем и то, как развивалось общее «колониальное» наследие в условиях независимости, и те различия, что обнаружились в его эволюции в трех самостоятельных социально-политических системах, представляют особый интерес.

Несомненно, в этом проявляется, я бы сказал, органический историзм подхода к материалу, последовательно проведенный через всю книгу. Этнические процессы неизменно рассматриваются в ней как составная часть всей совокупности общественных отношений, на фоне широкой панорамы социально-экономических и политических условий в той или иной стране и в тесном взаимодействии с этими условиями. Убедительность авторского анализа подкрепляется богатыми статистическими данными, собранными в книге (и отнюдь не ограниченными собственно этнической статистикой). И в итоге становится понятна одна из самых характерных черт этнического развития в странах континента: его неравномерность и позднее (даже в рамках такой неравномерности) завершение формирования общностей национального типа.

По-видимому, сочетание в пределах одного и того же государства зон, уже достигших в этническом развитии урвня нации, и зон, где население пребывало еще в «донациональном» состоянии, было в Южной Америке вплоть до первых десятилетий нашего века достаточно типичным. Конечно, ярче всего демонстрирует реальные формы такого сочетания гигантская Бразилия. Но подобное сосуществование можно увидеть и в таких странах, как Колумбия, Венесуэла или Перу. Иными словами, историк и этнограф имели здесь почти уникальную возможность непосредственно наблюдать заключительный этап формирования наций в масштабах целого континента. Ведь этот этап проходил в большинстве случаев чуть ли не на наших глазах — по сути дела, в первой половине нашего столетия, а иногда, скажем, в Боливии, и условия для его завершения окончательно сложились лишь после 1952 г. Речь идет о том, что полная победа капиталистических отношений в странах Южной Америки существенно осложнялась живучестью множества форм феодальной эксплуатации, нередко в ее крепостнической форме, в сельском хозяйстве. Кроме того, в ряде случаев (Перу, внутренние области Бразилии) сохранялись значительные массивы не вовлеченного в капиталистические производственные отношения индейского населения; если в Бразилии это обстоятельство было скорее все же маргинальным, то в Перу самое формирование нации без включения в нее индейцев оказывалось весьма проблематичным. Не случайным выглядит и время окончания складывания наций в ряде стран — как раз к концу первой половины XX в. капиталистические отношения решительно восторжествовали в подавляющем большинстве внутренних районов. Марксистский тезис об органической связи возникающих национальных общностей с капиталистическими производственными отношениями получают в Южной Америке убедительное подтверждение.

Но эти же факты, анализируемые и обобщаемые авторами, могут служить и серьезным предостережением против упрощенного толкования этого важнейшего положения марксистской теории нации. В самом деле, материалы книги свидетельствуют — и это вполне справедливо указано во «Введении», — что, с точки зрения процесса образования национальных общностей, нельзя рассматривать победу народов Испанской Америки в войне за независимость как простую аналогию победы буржуазных революций в Европе, в целом завершавших сложение европейских наций. Слабый уровень развития капиталистических отношений — прежде всего, а также комплекс иных причин сделали завоевание государственной независимости лишь начальной ступенью складывания южноамериканских наций. Окончание же его растянулось в целом по континенту почти на полтора столетия (с. 12).

Среди теоретических вопросов, рассмотренных в рецензируемом труде, одним из самых интересных представляется роль государственно-политической надстройки на складывании южноамериканских наций. По существу ликвидация колониальной зависимости на всем Южноамериканском континенте и складывание собственной государственности стали мощным ускорителем этнических процессов. Кроме того, появление независимого государства на территории бывшей колонии в значительной степени предопределяло и их направленность: при сохранении государственных границ в целом неизменными этническое развитие в конечном счете почти неизбежно должно было прийти к формированию национальных общностей, особенно если учитывать характерный для Южной Америки каудильнизм, т. е. тенденцию к диктатуре. Пожалуй, эта проблема могла бы стать объектом самостоятельного изучения. Что же касается роли государства в ускорении процесса складывания нации, то здесь заслуживает, с моей точки зрения, специального внимания — и это внимание ему уделено, особенно в разделе, посвященном Перу, — такой вопрос, как выполнение «государственной»

идеологией функций национального самосознания на ранних этапах этого процесса в государстве, лишь недавно бывшем колонией. В том же Перу понятие государственной идеологии расширилось за счет направленно препарированной истории страны, и эта «официальная» история, как справедливо подчеркнуто в книге, выступала «ранним аналогом» идеологии националистической. Иными словами, здесь в, так сказать, чистом виде проявлялось то несовпадение между историей реальной и историей идеологической, о котором в свое время писал З. Надель в применении к африканским обществам¹. По-видимому, мы имеем дело не с локальным южноамериканским явлением, а с общей закономерностью идейной эволюции постколониальных обществ; во всяком случае эта закономерность очень определенно прослеживается в современных африканских государствах. И в том и в другом случае государственность и связанная с нею идеология оказываются и фактором консолидации донациональных этнополитических общностей и ускорителем процесса их превращения в нации в полном смысле этого слова.

Не может вызвать сомнения и справедливость того, что в книге очень серьезное внимание уделено месту культуры в становлении наций Южной Америки. Практически во всех странах континента к моменту завоевания независимости существовала своеобразная кастовая разграниченность культуры. От «обычной» культуры классового общества культуры колониальной Южной Америки отличались тем, что классовые различия здесь усугублялись отражавшими социальную структуру колониального общества различиями этнорасовыми (в этом смысле если что и отличало Южную Америку от колоний европейских держав в Азии или Африке, то только то, что в Америке взаимодействовали люди, принадлежавшие ко всем трем большим расам человечества). И очень характерно, что ни в одной из стран континента не смогла стать основой национальной культуры высшей касты—европейской и креольской аристократии. Наоборот, эта роль с большими или меньшими отклонениями везде досталась культуре смешанной, метисной. А внутри такой метисной культуры соотношение составлявших ее европейских, индейских и африканских элементов могло изменяться в самых широких пределах, обусловленных реальной исторической обстановкой в той или иной стране или даже в разных частях одной и той же страны. При этом отнюдь не обязательно совпадали действительно национальные (по крайней мере—в тенденции) формы культуры и то, что общественным мнением сравнительно образованных слоев населения воспринималось как таковое. Хорошим примером тому может служить Эквадор: за нормативную принималась метисно-креольская культура Сьерры, тогда как уровень общественных отношений и экономики, на основе которого только и могла сложиться культура национального типа, существовал в прибрежных районах, в Косте (с. 136). Несколько иной вариант развития этнокультурных процессов предстает перед нами в Бразилии. Здесь подлинный центр экономического и политического развития возник к началу нашего столетия на юге страны, что повело к складыванию самостоятельного этнического ядра в этом регионе. Но к этому времени сложившиеся уже традиции бразильской культуры, сформировавшейся на северо-востоке государственной территории, были достаточно прочными для того, чтобы переварить новые элементы, в частности, вносимые массовой эмиграцией из Европы. И именно на этой основе, как убедительно показано в книге, происходит сейчас взаимодействие обоих «этнических ядер» (с. 453—459)— южного и северо-восточного, ставших основой современной бразильской нации.

Если в бывших испанских колониях сложилось, как уже говорилось, определенное кастовое деление населения по совокупности социальных и этнорасовых критериев, то та же Южная Америка обнаруживает образец небывало быстрого разрушения древней кастовой системы под влиянием совершенно новых общественных отношений. Показ того, как происходило практическое изживание кастовой системы у индийских иммигрантов в Гайяне (с. 173—177), удачно дополняет ранее опубликованные работы на эту же тему, так как позволяет сопоставить этот процесс со сходными, если не по форме, то по содержанию явлениями в соседних странах. И там и тут разграничения кастового типа исчезали под нажимом капиталистической экономики, решительно изменявшей социально-психологические ориентации людей. И все же такие разграничения, созданные колонизацией, оказываются более живучими, несмотря на то, что они, разумеется, очень ослабевают в последнее время. Конечно, и в этом смысле положение весьма различно в разных странах; и, естественно, индустриально развитые Венесуэла и Бразилия идут впереди. Но общая тенденция к ликвидации остатков кастовых границ, особенно в сфере культуры, вполне очевидна. И следует отдать должное авторам рецензируемой книги: тенденция эта показана ими весьма выпукло.

Размеры журнальной рецензии жестко ограничивают возможности обсуждения книги. Ее достоинства вовсе не исчерпываются рассмотрением тех вопросов, о которых шла речь выше. Можно, например, указать как на несомненную удачу на специальный очерк о славянских иммигрантских группах в странах континента. Можно особо подчеркнуть большое и оправданное внимание, уделяемое авторским коллективом такой важнейшей проблеме этнического развития ряда стран континента, как вовлечение индейского населения в процесс национального строительства. Правда, должен сказать, у меня вызывает сомнение реальность тезиса о возможном создании (в Бразилии) «индейских национальных районов», а тем более—закрепления земель за индейской общиной (с. 430). Не говоря уже о том, что и то и другое представ-

¹ Nadel S. F. A. Black Byzantium. The Kingdom of Nupe in Nigeria. London—New York—Toronto, 1942, p. 72.

ляется маловероятным и маложизнеспособным в рамках капиталистической системы, подобные меры могут еще более изолировать индейское население от внешнего мира. То есть в конечном счете это приведет к искусственной консервации общины, за чем, как это достаточно убедительно показано в другом разделе книги, может последовать лишь деградация традиционной индейской культуры, даже если ее удастся в каком-то виде сохранить.

Понятно, что как и всякая другая публикация, посвященная такому сложному и многостороннему явлению, как этнические, вернее — этнокультурные, процессы, рецензируемая книга подчас вызывает желание поспорить с авторами, а то и увидеть более многостороннюю картину описываемых процессов. И не приходится сомневаться в том, что ее появление послужит известным стимулом к дальнейшим исследованиям в этих направлениях. С другой стороны, в таких исследованиях, очевидно, удастся внести и большую определенность в некоторые тезисы авторов. В качестве двух частных примеров могу указать на оценку целей походов бандейрантес в Бразилии: в одном случае сказано, что захват рабов из числа индейцев был «основной задачей», в другом — что это было их целью «отчасти» (с. 391 и 443), и на толкование термина branco da terra — в одном случае он переведен как «белый по земле», в другом — как «местный белый» (с. 390 и 450).

Понятно, конечно, что все это мелочи. В целом же авторам книги «Этнические процессы в странах Южной Америки» удалось успешно решить очень трудную задачу — в сравнительно ограниченном объеме дать читателю богатую фактическим материалом картину сложной этнической истории континента и убедительно ее проанализировать в свете теоретических достижений нашей этнографической науки за последние десятилетия.

Л. Е. Куббель

Этнические процессы в странах Карибского моря. М.: Наука, 1982. 309 с.

Рецензируемый труд завершает трехтомное издание, посвященное исследованию этнических и национальных процессов в Латинской Америке. В этой коллективной работе, отличающейся высоким профессиональным уровнем и тщательным анализом истории и современного развития этнических процессов в Карибском регионе, проанализирован богатый эмпирический материал и обсуждены сложные вопросы, представляющие большой научный и политический интерес. Бурное развитие национально-освободительной и классовой борьбы в этом своеобразном островном мире, сопровождающееся существенными трансформациями этнокультурного характера, закономерно привлекло к себе внимание советских этнографов-латиноамериканистов.

Впервые на русском языке публикуется сводный труд, в котором описаны и проанализированы материалы обо всех народах и этногруппах, обитающих на островах Карибского моря. Авторы книги использовали весьма широкий круг разнообразных источников — данные археологии, исторические документы, материалы переписей и обследований, свидетельства прессы, сведения, почерпнутые из частных этнографических исследований.

Следует сразу же сказать, что в целом исследователи успешно справились со своей задачей. В книге мы находим не только разнообразные и убедительные данные об этнических и этнокультурных изменениях, совершающихся в регионе, но и научно обоснованные оценки и интерпретации происходящих перемен, сделанные с верных теоретико-методологических позиций.

Главный вопрос, стоявший перед авторами почти всех очерков, включенных в книгу, — сформировалась ли или иная группа населения, обитающая на определенном острове или архипелаге, в этническую общность и какова мера ее консолидации. Эта тема проходит лейтмотивом по всей работе, и авторы решают поставленный вопрос в зависимости от того, насколько полное развитие получил этот процесс в той или иной зоне региона.

Книга об этнических процессах в странах Карибского моря построена так, что она дает возможность получить целостное представление о совершающихся здесь этнических трансформациях и об их зональных особенностях.

В содержательном «Введении», написанном ответственным редактором монографии Э. Л. Нитобургом, идет речь как об общих социально-политических условиях развития изучаемого региона, так и о некоторых специфических особенностях четырех сложившихся здесь этнокультурных субрегионов. В нем освещается проблема «креолизации» — процесса взаимовлияния двух основных культурных компонентов, складывающихся в районе этнических общностей — европейского и африканского. При этом подчеркивается, что хотя ряд местных этнических общностей сложился исторически сравнительно недавно, формированию и консолидации их способствовало сначала совпадение этнических границ с островными, а затем (после достижения независимости) и с политическими. Касаясь проблематичного вопроса о возможности становления общего для всего региона «карибского», или «вестиндского», самосознания, автор считает появление его в ближайшем будущем невозможным и маловероятным даже для объединившегося в Карибское сообщество (КАРИКОМ) англоязычного этнокультурного субрегиона.

Очень интересны сводные главы, написанные С. Я. Серовым и А. Д. Дридзо, в которых впервые проанализированы материалы об этнических последствиях колониаль-